
О «русской ловушке» и отсталости: недоразвитая Европа или институциональная альтернатива?

Рецензия на книги: Травин Д.Я. (2021) Почему Россия отстала?

СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге;

Травин Д.Я. (2023) Русская ловушка.

СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

А.П. ЗАОСТРОВЦЕВ*

***Андрей Павлович Заостровцев** – кандидат экономических наук, профессор, Департамент государственного администрирования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, МЦСЭИ «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург, Россия, zao-and@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0302-4182>

Цитирование: Заостровцев А.П. (2025) О «русской ловушке» и отсталости: недоразвитая Европа или институциональная альтернатива? // Мир России. Т. 34. № 1. С. 161–178. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-161-178

Аннотация

В статье анализируются две книги Д.Я. Травина, в которых поставлены фундаментальные вопросы исторического развития России. Обращается внимание на то, что как проблема российской отсталости, так и «русской ловушки» исследуются не сами по себе, а через поиск аналогов в истории Европы. Очевидно стремление автора книг построить аргументацию таким образом, чтобы охарактеризовать Россию как некое отклонение в рамках европейской цивилизации, а не альтернативную ей социальную систему. В статье дается критический разбор этой позиции и подчеркивается несовместимость фундаментальных российских институтов с правовыми порядками даже в их примитивных формах. Отмечается, что без обращения к истокам институциональной среды России в форме ордынских институтов всевластия и их нацеленности на экспансию объяснение отсталости оказывается неполным. «Русская же ловушка» в виде поместной системы на первый план должна выдвигать не крепостное право, а отсутствие суверенитета личности у элитных слоев, их принадлежность деспоту. В то же время, несмотря на искусственную «европеизацию» России, обе книги обладают несомненной ценностью, так как дают развернутую панораму европейского мира вплоть до середины XVIII в. и на ее фоне исследуют отдельные феномены русского общества соответствующих периодов.

Статья поступила в редакцию в апреле 2024 г.

Ключевые слова: *Россия, эффект колеи, институциональная ловушка, отсталость, набеги, крепостное право, поместная система, абсолютизм, несовременная модернизация*

Дмитрий Яковлевич Травин – экономист, социолог и известный публицист – обрел широкую популярность благодаря исследованиям модернизации. В начале века вышло его (в соавторстве с О.Л. Маргания) двухтомное издание «Европейская модернизация» [Травин, Маргания 2004]. Современное состояние модернизации (постмодернизация) стало важной вехой в изучении этого процесса; оно рассматривается Д.Я. Травиным в работе «Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России» [Травин 2011]. Чем дальше, тем больше внимания автор уделял России: начал он с критики идеологии «особого пути» [Травин 2018], а к настоящему времени вышли две книги, описывающие исторический путь России [Травин 2021; Травин 2023]. Их и предстоит проанализировать.

Сам автор затрудняется отнести их к какой-то одной области социальных наук. В интервью своим коллегам в Европейском университете в Санкт-Петербурге (где он до последнего времени являлся научным руководителем Центра исследований модернизации) было заявлено: «Наука, которой я занимаюсь в последние 15 лет, историческая социология, – это и не совсем история, и не совсем социология» [Абросимова 2024]. И как видно из заголовка интервью, им делается попытка вписать Россию в европейский контекст. Посмотрим, как это получилось.

Начнем с необычного: читатель берет книги по России, но обнаруживает, что не менее 75–80% текста глав посвящено Европе, преимущественно Западной. И сам автор это прекрасно осознает, поскольку упоминает об этом не только в вышеприведенном интервью, но и в предисловии к книге «Почему Россия отстала?», которое недвусмысленно озаглавлено «Сюрпризы для читателя». В частности, в нем он прямо заявляет: «Формально большая часть книги содержит рассказ не о России, а о других европейских странах» [Травин 2021, с. 10]. Столь перекошенная структура рассматриваемого материала обусловлена стремлением автора показать, что из себя представляли разные европейские страны, и на этой основе реализовать свою главную цель: обосновать основополагающий тезис об отсутствии принципиальных различий между европейскими и московскими социальными порядками. Он начинает с истоков (того, что у нас принято называть Киевской или Древней Русью) и заканчивает первой половиной XVIII в. В этих хронологических рамках нам постоянно и подробно описываются различные аспекты жизни стран и регионов Европы. За счет специально подобранных материалов у читателя должно сложиться впечатление, что не так уж та Европа от нас была далека.

Так почему же тогда Россия отстала? Начнем с того, что Д.Я. Травин не конкретизирует, в чем измеряется отставание. В ВВП на душу населения? Но известный проект Мэдисона, демонстрирующий историческую статистику разных стран мира, Россию (Московию) тех времен не охватывает. Возможно, подразумевается отставание в построении правового общества. Однако в те времена не было глобальных рейтингов демократии, прав собственности и верховенства права. Возможно, автор имел в виду современное состояние России. Но и тут появляется вопрос: хронологически первая книга (та, что об отсталости) заканчивается эпохой Ренессанса. Можно ли объяснить отставание в наши дни лишь факторами (при всей их важности), действовавшими не позднее XVI в.?

Общий вывод может быть таков: заголовок «Почему Россия отстала?» подошел бы ко всей серии книг по истории России (вплоть до современности). Публикуемые Д.Я. Травиным в Центре исследований модернизации препринты дошли уже до революции 1917 г. и Гражданской войны в России [Травин 2024]. В то же время указанный заголовок вряд ли подходит первой книге, поскольку в ней в лучшем случае лишь небольшая часть ответа на поставленный вопрос.

Перейдем непосредственно к ее рассмотрению. В первой главе «Набеги и кочующие бандиты» исходная причина недоразвития Руси сводится к набегам степняков, особенно в эпоху татарского ига. «Набеговые волны подрывали возможности экономического развития, тормозили рост городов, препятствовали накоплению капитала, ограничивали амбиции русских деловых кругов» [Травин 2021, с. 68]¹. При этом автор отрицает импорт и закрепление институтов Орды в Московии. В споре со сторонниками такого видения он подвергает сомнению возможность их сохранения спустя несколько столетий в иных военных, социально-экономических и политических условиях. Более того, он отделяет культуру от институтов и утверждает, что «<...> если бы национальная культура, однажды сформировавшись, без всяких изменений проходила через столетия, невозможны, наверное, были бы никакие реформы». А поскольку реформы на Руси все же имели место, то и культурный детерминизм не работает [Травин 2021, с. 69].

Аргументация не может не вызвать возражений. Во-первых, культура тождественна системе неформальных институтов, которые образуют фундамент институтов формальных. Этой позиции придерживается все больше экономистов². Во-вторых, долгожитие институтов – далеко не редкий феномен (возьмем, например, мировые религии). В-третьих, оно не означает отсутствия модификаций и модернизаций институтов (реформ): приспособляясь за счет частичных изменений к новым условиям, они при этом, в сущности, могут оставаться теми же, сохраняя свое ядро (Реформация не означала отторжения христианства). Для России воспроизводящимся веками, но в то же время и реформируемым применительно к новым возникающим условиям институтом является власть-собственность, о которой речь пойдет далее.

Спор о влиянии Орды на Русь довольно давний. Он подробно освещен в статье известного американского историка Р. Пайпса. Приведем его заключительный вывод: «Совокупность представленных фактов ясно дает понять, что в споре о монгольском влиянии правы были те, кто высказывался за его важность. В центре дискуссии, растянувшейся на два с половиной столетия, оказался принципиально важный вопрос о природе русского политического режима и его происхождении. Если монголы никак не повлияли на Россию или если это влияние не затронуло политической сферы, то российскую приверженность самодержавной власти, причем в самой крайней, патримониальной, форме придется объявить чем-то врожденным и вечным. В таком случае она должна корениться в русской душе, религии

¹ Такая фраза может ввести читателя в заблуждение. Он будет представлять себе некую «экономически развитую и единую Русь», на которую покушаются временами злые татары. На самом деле она состояла из враждующих удельных княжеств, которые при возможности объединялись с татарами как эффективной военной силой. Например, перед Куликовской битвой Рязань переметнулась на сторону татар (Мамай); Тохтамыш перед знаменитым походом на Москву (1382 г.) привлек на свою сторону рязанского и нижегородского князей; в 1408 г. Тверь выступила в качестве союзника Едигея – беклярбека (наместника) Золотой Орды в ногайской Орде в его походе на Москву [Скрынников 1997, с. 155, 157, 161].

² Об этом подробнее см. [Заостровцев 2023, с. 9–10].

или каком-то другом источнике, не поддающемся изменению. Но если Россия, напротив, заимствовала свою политическую систему от иноземных захватчиков, то шанс на внутренние перемены остается, ибо монгольское влияние может со временем смениться на западное» [Пайнс 2011].

Парадоксально, что Д.Я. Травин, видя будущее России как дорогу по пути модернизации и связывая последнюю с демократией и рыночной экономикой [Травин, Марганя 2004, с. 38–41], одновременно отвергает монгольское влияние и тем самым, согласно Р. Пайнсу, лишает ее надежды на перемены. Ибо тогда не остается ничего другого, как видеть в ней лишь «врожденную и вечную» самодержавную власть в патримониальной форме.

Действительно, северо-восточная Русь (Владимирская) отличалась от остальных земель Древней Руси большей склонностью к самодержавным началам. Княжение Андрея Боголюбского может служить подтверждением этого тезиса³. Правда, при последующем правлении Всеволода Большое Гнездо деспотическая модель уступила более либеральной традиции [Анисимов 2009, с. 58]. Монгольское же вторжение в итоге привело к формированию Владимирской (впоследствии – Московской) Руси в качестве протектората Золотой Орды с заимствованием ее политической культуры⁴. Преображенная и насыщенная последней Московия и вышла в «самостоятельное плавание». В итоге получилась «Орда 2.0». «Произошел своеобразный симбиоз завоевателей и завоеванных» [Кантор 2007, с. 40]. Главным конечным продуктом его стали господствующая идеология и практика безграничной власти верховного правителя, нераздельное владение им всем без исключения на своей территории.

В этом симбиозе видится и исторически первая составляющая «русской ловушки»⁵, поиском которой во второй книге («Русская ловушка») занимается Д.Я. Травин. Однако игнорируя это начало начал, он существенно занижает как масштабы этой ловушки в смысле ее протяженности в историческом времени, так и силу ее притяжения. Если прибегнуть к широко используемому в таком случае экономистами понятию, как эффект колеи (зависимость от траектории предшествующего развития), то можно сказать, что ошибочно сокращается как длина колеи, так и ее глубина.

Во второй главе книги «Почему Россия отстала?» автор пытается реализовать свой основной замысел с наибольшей полнотой: показать, что в Европе положение дел с правами собственности было ненамного лучше, чем в Московии. И тут он собрал воедино весьма многочисленные и впечатляющие данные о нарушениях и злоупотреблениях там, где, согласно распространенным представлениям,

³ «Не в пример другим князьям своего времени, Андрей не считался с дружиной, боярами, вел государственные дела по своей воле – “самовластно”» [Анисимов 2009, с. 56–57]. «Самодержавие Андрея Боголюбского дотоле было невиданно на Руси и невообразимо» [Веллер 2023, с. 289]. «Перенесение княжеской резиденции Андреем Боголюбским <...> из старого Суздаля в новый Владимир и стало началом выстраивания однополосной авторитарной модели, достроенной потом московскими князьями» [Ахизер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 113].

⁴ «В самой московской земле вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Не извне, а изнутри татарская стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь. Это духовное монгольское завоевание шло параллельно с политическим падением Орды. В XV веке тысячи крещеных и некрещеных татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды служилых людей, будущего дворянства, заражая его восточными понятиями и степным бытом» [Федотов 1991а, с. 282].

⁵ «Князья, грабящие собственных подданных в пользу чужих угнетателей, епископы, карающие проклятием непокорность по отношению к языческим или мусульманским правителям, – вот система власти, которая должна была бременем лечь на дальнейшее развитие общества и его национальной психики» [Зенгара 2015, с. 67].

собственность должна быть ограждена от государственного произвола. Порой даже кажется, что поставленная им цель достигнута, но такое видение во многом становится иллюзорным, если просто внимательно прочитать эту главу.

Что же читатель в ней замечает? Автор начинает с возражения анонимным оппонентам. «Абсолютно неверен вывод, – пишет он, – будто, в отличие от нашей страны, другие европейские страны всегда соблюдали принцип защиты собственности» [Травин 2021, с. 77]. И далее он выдвигает три основных типа конфискаций, распространенных на Западе: во-первых, у политических противников и в случаях вольно трактуемых нарушениях закона, во-вторых, по идеологическим причинам (чаще всего в ходе преследования религиозных меньшинств и конфликтов на почве религии), и, в-третьих, принудительные займы, отказы платить по собственным обязательствам [Травин 2021, с. 104–121].

Нет возражений против того, что частная собственность была в те времена защищена далеко не лучшим образом, но, тем менее, она была. Если владелец не представлял политическую оппозицию монарху, не принадлежал к дискриминируемым меньшинствам и не давал деньги взаймы королям, то он мог быть относительно спокоен за свою собственность (войны и им подобные конфликты не в счет; они и сегодня не оставляют камня на камне от попавшего в их пламя имущества)⁶.

В России же индивидуальной собственности просто не было как явления. Она вся концентрировалась подобно материи в космической черной дыре в руках царя-деспота, и вне их таковой не было ни у кого. Более того, все прочие люди (от бояр до крепостных) сами, подобно вещам, становились принадлежностью верховного правителя. Даже слово «собственность» в Московии было неизвестно. И так продолжалось до второй половины XVIII в.: только при Екатерине II оно проникло «<...> в словарь официальных документов как русский перевод немецкого *Eigentum* (*Eigendum*)» [Пайнс 2001, с. 251].

Д.Я. Травин попутно касается и концепции власти-собственности [Травин 2021, с. 102–103] и фактически распространяет ее на Запад. Что можно сказать по этому поводу? Действительно, между цивилизациями нет непроницаемой границы, и институты одной не редко проникают в другую. Но все дело в мере. В Европе подобие властнособственнических отношений спорадически возникало в периоды «бури и натиска» абсолютизма, но они всякий раз оказывались неустойчивыми, и как только уходил деспотический властелин, возвращалась и, казалось бы, задавленная норма. Такой институциональный цикл хорошо наблюдаем на примере парламентаризма⁷, о котором более обстоятельный разговор пойдет в книге «Русская ловушка».

⁶ Например, вот что говорит о Венеции в Италии эпохи Возрождения «Кембриджская история капитализма»: «Права собственности, во всяком случае, были формально гарантированы. В муниципальных статутах все были равны – патриции, граждане, торговцы и иностранцы» [Нил, Уильямсон 2021, с. 398]. В целом, в этом фундаментальном труде авторы не утруждают себя концентрацией внимания на нарушениях прав собственности в Европе, хотя, естественно, при этом подчеркивают их отличие от современных [Нил, Уильямсон 2021, с. 396]. Если бы состояние прав собственности было бы серьезным препятствием для развития капитализма, то на это, несомненно, обращалось бы внимание в таком исследовании.

⁷ Касаясь восстановления традиции независимого парламентаризма после самовластья Генриха VIII английский историк Дж. Грин писал: «Та роль, какую пришлось в последующие годы играть парламенту, доказывает важность сохранения конституционных форм, даже если они почти утратили жизнь. При неизбежной реакции против тирании они являются центрами для оживающей энергии народа, а возвратному потоку свободы их сохранение позволяет течь свободно и естественно по его обычным каналам» [Грин 2007, с. 364].

Когда от дел европейских автор наконец находит возможным перейти к Московии, то он даже про Ивана Грозного утверждает, что «<...> усиление его самодержавных позиций стало следствием конкретных исторических обстоятельств, а не свидетельствует об особом (патримониальном или вотчинном) характере российского государства» [Травин 2021, с. 157]. Получается, что в Европе оно местами и временами присутствовало, а вот в России – нет. Напомним, что «<...> в таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником» [Пайнс 1993, с. 11]. И если уж господство Ивана Грозного не подходит под определение вотчинного или патримониального, то тогда надо просто считать такой тип государства не существующим нигде и никогда.

Третья глава книги «Почему Россия отстала?» рассматривает расцвет итальянских городов в позднее средневековье и прочие города Европы, преимущественно немецкие (Ганзейский союз). Речь почти не идет об организации их внутренней политико-экономической жизни, а раскрывается их участие в международной торговле. Под конец остается немного места для рассказа о вовлеченности Новгорода и Пскова в европейскую торговлю и описания причин, по которым их роль была все-таки периферийной («российский угол»). На европейском рынке не имелось ни широкого спроса на товары из России, ни «венчурного капитала», который мог бы наладить производство по итальянским или немецким образцам [Травин 2021, с. 248]. Комментарий к этой части книги мог бы быть такой: хотелось бы побольше узнать именно об организации внутренней городской жизни в Европе (о Магдебургском праве и многом другом). На этом фоне города Московии отличались бы от европейских городов как военный лагерь от торгового дома, и это был бы полезный сравнительный анализ, хотя он и проведен ранее Р. Пайнсом [Пайнс 1993, с. 262–268].

Завершающая глава погружает нас в культуру Ренессанса. Интересно, для чего? Чтобы напомнить, что в России его не было? Это и так известно. Тем не менее в ней можно найти отдельные ценные наблюдения. «В католическом мире не было жестких преград, мешающих культурному заимствованию. Различные страны существовали в едином интеллектуальном и духовном пространстве, даже если воевали друг с другом. Но в русских землях долгое время не признавалась возможность никакого заимствования от “латинских еретиков”» [Травин 2021, с. 257]. И далее: «Православный мир долгое время стоял особняком, и наша периферийность превращалась в такую культурную замкнутость, которой не было ни у католиков, ни у протестантов» [Травин 2021, с. 257].

Православный изоляционизм создавал атмосферу обскурантизма и интеллектуальной деградации. На это, в частности, обращает внимание и историк А.Л. Янов в своем фундаментальном труде о России. «В эпоху, когда, словно грибы после дождя, вырастали в Европе академии, имевшие среди своих членов такие имена, как Лейбниц, Ньютон, Бойль, Мальпиги, в Московии не было даже начальных школ» [Янов 2007, с. 103]. Такое положение дел в те времена изумляло даже офицера-наемника Жака Маржерета⁸. Для выхода из состояния одичания страна должна была отвергнуть православный фундаментализм, что и стало одним из главных результатов реформ Петра I. Впрочем, когда в книге «Русская ловушка»

⁸ «У них нет ни школы, ни университета. Только священники учат молодежь читать и писать, что привлекает немногих» [Лимонов 1986, с. 236].

Д.Я. Травин доходит до этих реформ, то крушение православного фундаментализма в числе их достижений не упоминается.

Завершают книгу «Почему Россия отстала?» три вывода. Во-первых, отсутствие Ренессанса не есть причина экономической отсталости и неспособности построить демократию: в пример приводятся Норвегия и Финляндия. Во-вторых, Ренессанс в силу развернувшихся конфликтов потребовал абсолютистского государства и соответствующей ему экономической политики. В-третьих, дальнейшее развитие России пошло по пути заимствования западных бюрократических институтов [Травин 2021, с. 333–334]. И это станет одним из предметов рассмотрения в «Русской ловушке».

Пока же сформулируем общее впечатление от первой из книг. Фундаментальные причины отставания России во многом остались «за кадром», а упоминаются набеги, не лучшие условия для ведения международной торговли и, возможно, культурная замкнутость по причине господства православия как государственной религии. Вот, по существу, и все. Не отрицая их роли, все же заметим, что невозможно понять специфику Московского царства, не видя (а, скорее, даже отвергая) стартовую площадку, на которой сформировались его общественные порядки и устремление к распространению их за его пределы⁹. Эти порядки успешно эволюционируют в историческом времени и в дальнейшем в оболочке обновленных институтов диктуют структуру экономики и цели экономического роста, которые ресурсорасточительны, а в результате никак не получается достичь сопоставимого с ведущими странами ВВП на душу населения. Для России был да и остается очень характерен рост, ведущий к бедности.

Книга «Русская ловушка» для начала потребует обращения к институциональной теории. Известно, что термин «институциональная ловушка» был введен в оборот российским экономистом В.М. Полтеровичем. В одной из статей он определил ее как неэффективную устойчивую норму (институт), а порождает эти ловушки сильные возмущения. Тем не менее, если спустя какое-то время их снять, то система не вернется в прежнее состояние, и появится эффект гистерезиса – зависимость системы от прежней траектории развития [Полтерович 2004, с. 9]. Несколько позже этот эффект и получил название упомянутого выше «эффекта колеи», выход из которой блокируют высокие транзакционные издержки, которые тем выше, чем дольше система пребывала в колее (в плену «плохих» институтов).

Дальнейшие исследования внесли некоторые уточнения в эту схему – в частности, концепцию маятниковых изменений (от «заморозков» к «оттепелям» и обратно) [Дузан, Лепетиков, Ситкевич 2022]. Однако в предложенной статье не ставится задача разбора эволюции теории институциональной истории, тем более что в «Русской ловушке» маятниковые изменения не выделяются, зато довольно четко прослеживается схема: нужды войны – поместная система – крепостное право.

Первая глава «Русской ловушки» так и называется – «Как армия “съела” Россию». Суть в том, что Россия была бедной страной и не могла (в отличие от ряда европейских стран) содержать наемную армию. Раз так, то встал вопрос: а что взамен? А взамен поместная система формирования армии. Царь расплачивался

⁹ Московское государство «<...> было новое политическое образование, в котором местная традиция единоначалия была усилена концепциями управления Монгольской империи. Эта империя была гораздо более деспотичной, чем когда-либо была христианская империя со столицей в Константинополе, и в то же время более агрессивной, с программой безграничной экспансии» [Халецки 2019, с. 94]. «Московские князья, “вызрев” и окрепнув в недрах Орды, в итоге пришли на смену татарским “царям” в качестве полноценных носителей самодержавной (силовой) легитимности» [Коцюбинский 2019, с. 125].

землей, передаваемой знати за службу; землей, которой ее представители не владели, а могли иметь лишь в условном пользовании¹⁰, извлекая из нее доход, необходимый для содержания, как сказали бы сегодня, резервистов. С ними помещик и являлся по призыву царя вести военные действия (разумеется, кроме людей, повинности включали в себя и поставки других нужных армии комплекующих)¹¹. Для того же, чтобы служилые дворяне были уверены в стабильности производственного потенциала своих поместий, понадобилось закрепить крестьян, причем первоначально они были прикреплены не к помещику, а к земле¹².

В рассмотренной цепочке рассуждений автор в качестве ловушки видит именно крепостное право. «Ловушкой нашей модернизации стало крепостное право» [Травин 2023, с. 20]. Но только ли оно? Обратимся к столь любимому автором сравнительному анализу. Если взглянуть на историю Речи Посполитой, то можно утверждать, что крепостное право оказало на нее не менее пагубное воздействие: в сущности, стало ловушкой для польской государственности. Большую роль в ее подрыве сыграли казацкие войны XVII в., когда вооруженное противостояние подпитывалось стремлением польских панов закрепить значительную часть казаков¹³. Торги вокруг числа свободных (реестровых) казаков часто не заканчивались мирно [Аллен 2019, с. 83–159]. В итоге «<...> нерешенная проблема привела к трагическому исходу» [Халецки 2019, с. 227].

Что же тогда отличало Речь Посполитую от московских порядков? Свобода правящего сословия. В московских же порядках имело место «<...> тотальное гражданско-политическое холопство как аристократов, так и простонародья» [Коцюбинский 2019, с. 120]. Российская поместная система органически включала в себя эту несвободу, когда высшее сословие было начисто лишено не только политической, но и гражданской правосубъектности, но на эту сторону поместной системы Д.Я. Травин не обратил внимания, а она является гораздо более значимой частью ловушки. Верховенство права всегда начинается с такового для элиты и далее распространяется вниз на более широкие слои¹⁴. В России же ему долгое время просто было неоткуда взяться¹⁵.

¹⁰ Тогда как и в эпоху абсолютизма «<...> само право собственности в Европе оставалось незыблемым и в зависимости от государственной службы не ставилось» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 136].

¹¹ Автор книги несколько абсолютизирует эту схему. Принцип комплектования армии можно считать смешанным. Вот как он выглядит в воспоминаниях посла Сигизмунда Герберштейна: «Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у кого лошадей и служителей. Затем <...> он определяет каждому жалованье. Те же, кто могут по достаткам своего имущества, служат без жалованья» [Лимонов 1986, с. 69].

¹² Это выглядит вполне логично, так как царь мог свободно перемещать помещиков из одного поместья в другое. Они тоже были зависимыми людьми, которыми распоряжалась царская воля.

¹³ «До Люблинской унии литовское правительство ограничивалось лишь назначением старост, занимавшихся управлением, а люди жили общинами, которые они сами и организовывали» [Аллен 2019, с. 94].

¹⁴ «То, что было раньше привилегией сотен семейств, в течение столетий распространилось на тысячи и миллионы, пока не стало неотъемлемым правом каждого гражданина» [Федотов 1991b, с. 261]. В Речи Посполитой финальным аккордом такого расширения свободы являлся принятая накануне третьего ее раздела Конституция от 3 мая 1791 г., которую сравнивают с современными ей американской и французской конституциями.

¹⁵ «Русская Власть блокирует субъектность элитных групп, опираясь на активную или пассивную поддержку лишенного субъектности населения» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005, с. 126]. «Все жители страны, благородные и неблагородные, самые братья императора называют себя холопами государя, т. е. рабами императора» [Лимонов 1986, с. 240]. Ж. Маржерет называл московского царя на западный манер – императором. Всевластие верховного правителя подтверждает и труд одного из крупнейших ученых Германии XVII в. Адама Олеария, написанный по итогам его пребывания в составе посольства в Московии: «Государь, каковым является царь или великий князь <...> один управляет всей страной, и все его подданные, как дворяне и князья, так и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами» [Лимонов 1986, с. 354].

В результате «<...> формирование зависимого от трона дворянского военно-служилого сословия оказало глубокое влияние на развитие Российского государства в целом. Русь все больше отдалялась от Запада» [Скрынников 1997, с. 232–233].

Однако на этом разговор о ловушке не заканчивается. В начале книги автор верно указывает на то обстоятельство, что «<...> приверженность истинной вере <...> может быть важнее как роста благосостояния, так и укрепления обороноспособности страны» [Травин 2023, с. 16]. Речь здесь идет о том, что религиозный фундаментализм противостоит рациональному заимствованию передового опыта, но далее эта мысль не развивается. Россия не определяется как глубоко приверженная мессианству идеократическая империя. Отсюда неплохо выстроенная логическая цепочка рассуждений (военные нужды – поместная система – крепостное право) упускает отправной пункт. Ради чего был нужен этот военный потенциал и ради чего велись войны? Если бы экспансия собственного социального порядка на сопредельные территории была признана как целевая функция системы, то читатель увидел бы первооснову «русской ловушки» и заодно причину отсталости¹⁶.

В завершении первой главы «Русской ловушки» делаются теоретические выводы. Суть их в том, что действия, приводящие Россию в движение по колею исторического пути, «<...> носят исключительно рациональный характер» и «<...> определяются не национальной культурой, а доминированием определенных групп интересов» [Травин 2023, с. 103]. Автор, видимо, не совсем в курсе, что понятие «рациональный» является не общепризнанным и само собой разумеющимся, а представляет собой широкое поле для дискуссий¹⁷. Можно предложить ему подумать над таким вопросом: а была ли, например, Ливонская война (1558–1583 гг.) «исключительно рациональной» акцией? И разве национальная культура и интересы разделены китайской стеной? Не может ли первая определять и формировать вторые? В приведенных же выше утверждениях из книги прослеживается материалистическое понимание истории, когда ее субъектом становится «человек экономический», а интересы в силу отделения их от культуры связываются лишь с какими-то не относящимися к идеям вещными субстанциями¹⁸.

Что теряется при таком подходе, можно увидеть на примере критики Д.Я. Травиным значения Великой Хартии вольностей для истории Англии. «Хартия и ранний английский парламент были мифологизированы, чтобы продемонстрировать, будто свободомыслие, борьба за права человека и неподчинение деспотии представляют собой важнейшие элементы британской традиции» [Травин 2023, с. 257]. Употребленное слово «мифологизированы» должно, по замыслу автора, развенчать ее значение. В действительности оно говорит об обратном: о том, что заложенная в Хартии идея суверенитета личности превратилась в неформальный институт – устойчивую компоненту политической культуры.

¹⁶ «Экономическая политика, считавшаяся необходимой для поддержания империи, систематически сдерживала предпринимательский и производственный потенциал народных масс» [Хоскине 2000, с. 13]. При этом процесс имперской экспансии не имел конца. «Как бы далеко не распространялась гегемония, за новой границей всегда находился еще один сосед и еще один потенциальный противник» [Хоскине 2000, с. 17].

¹⁷ См., например, дискуссию экономистов по поводу определения рациональности и занимаемого ею места в действиях людей [Круглый стол 2017, с. 141–166].

¹⁸ На самом деле история неоднократно показывала правоту Л. Мизеса, который в работе «Теория и история» выдвинул следующее фундаментальное положение: «Мысли и идеи не являются фантомами. Они реальны. Несмотря на неосязаемость и нематериальность, они являются движущей силой, вызывающей изменения в царстве осязаемых и материальных вещей» [Мизес 2007, с. 84–85].

И как бы этот суверенитет не нарушался в отдельные последующие периоды истории Англии, он был прочно заложен в историческую память аристократического слоя (следовательно, мог возрождаться в реальности) в отличие от присяги Василия Шуйского (1606 г.) или «конституции Салтыкова» (1610 г.) – договора московской аристократии с польским королем Сигизмундом III. Их упоминание в книге призвано показать читателю, что подобные договоры не имеют значения (коль они в последующем ничего не изменили), но это лишь свидетельствует о том, что идея свободы в России не прижилась. Великая Хартия вольностей стала национальной идеей, тогда как об указанных событиях в истории России помнят лишь узкие специалисты.

Вторая глава книги «Христианство и “русский бог”» содержит ряд достойных внимания положений. Во-первых, это «русский бог» как бог закостенелости и изоляционизма, порождающих отсталость. «Если попробовать <...> дать образный ответ на вопрос, что такое “русский бог”, то это окажется бог церковной иерархии, а не бюргерства. Этот “бог” уберег Русь от кровопролитных религиозных войн, бушевавших на Западе, но он же уберег нас от протестантской этики, повлиявшей на дух капитализма, и от способствовавших научной революции представлений о возможности конкуренции идей. “Русский бог” заслонил Русь от реформации и стал покровителем отечественного консерватизма» [Травин 2023, с. 164]. «Православная вера и общинная жизнь средневековой Руси не давали хозяйственной системе особых возможностей в сравнении с католической верой или индивидуализмом» [Травин 2023, с. 172–173]. Надо заметить, что эти тезисы перекликаются с исследованием С. Дьянкова и Е. Николовой. В нем показано, что «<...> богословские различия между различными христианскими деноминациями могли поставить страны на разные пути развития задолго до прихода коммунизма» [Djankov, Nikolova 2018, p. 35].

Во-вторых, отмечена роль идеологии (религии) как инструмента имперской экспансии. Реформа патриарха Никона была нужна для придания интернационального звучания православной риторике и унификации православных обрядов. Поскольку «<...> страна готовилась к длительным, кровопролитным войнам, которые должны были вывести ее за ее старые границы» [Травин 2023, с. 169]. Власть намеревалась «<...> серьезно трансформировать всю страну. Превратить ее постепенно в гигантскую империю, охватывающую самые разные народы, объединенные православной верой» [Травин 2023, с. 169].

В то же время и вторая глава «Русской ловушки» не лишена проблемной части: под конец автор зачем-то обращается к контрреформации на Западе, доводит свои рассуждения аж до архитектурного стиля барокко, который связывается с ней, пишет, что он дошел в XVIII в. и до России. И далее идет следующий тезис: «Барокко имело для нас огромное значение. Россия именно в барочной форме стала приобщаться к европейскому искусству» [Травин 2023, с. 195]. Не ясно, какое отношение это имеет к «русской ловушке». По всей видимости, никакого.

Если же говорить не о барокко, а о контрреформации, то она отразилась на России в том плане, что резко обострила борьбу поляков с православными славянами в XVII в. на территории Речи Посполитой. Причем борьба шла не только между католиками и православными. Появление униатской церкви не решило проблем: напротив, после Брестского собора (1596 г.) «<...> между униатами и приверженцами истинного православия началась непримиримая вражда»

[Аллен 2019, с. 108]. Православная знать на польских сеймах требовала отмены унии. Само собой разумеется, что Московия не могла не использовать религиозную вражду на территории, к которой присматривалась, и она облегчала ей обретение Восточной Украины. Решение Рады, положившей начало присоединению Украины к России, гласило: «Желаем идти под царя, который принадлежит к Восточной православной церкви» (цит. по [Аллен 2019, с. 146]). Но обо всем этом в книге ни слова.

Третья глава («Взросление Левиафана») представляет подробное описание становления и проблем представительной власти в Европе, ее конфликтов с монархическими принципами государственного управления. Речь идет не только об английском парламентаризме, но и о французских генеральных штатах, испанских кортесах и польском сейме. Даны обобщающие характеристики европейского парламентаризма к началу Нового времени. [Травин 2023, с. 286–287]. Автор неоднократно и настойчиво подчеркивает, что роль представительства в те времена отличалась от функций современной законодательной власти, но, по всей видимости, это излишне, поскольку само собой разумеется, тем более что никто из его оппонентов не утверждал противоположного.

Наибольший интерес представляет та часть главы «Взросление Левиафана», где речь заходит, наконец, о Земских соборах [Травин 2023, с. 289–306]. Автор пытается ответить на вопрос: были ли они реальным представительством или вульгарной имитацией? И начинает он с поддержки первой позиции, правда, оговаривая при этом, что только если посмотреть на Собор с точки зрения интересов защиты общества от произвола монарха. Не вызывает сомнений, что здесь присутствует попытка натянуть Россию (Московию) на Европу (или наоборот). Что, впрочем, без разницы.

Историк Д.А. Коцюбинский определил Земские соборы и заодно местное самоуправление в Московии как «политические придатки к самодержавию». «История, – пишет он, – не зафиксировала ни одного случая институционального противостояния или хотя бы чисто дискуссионного расхождения между самодержцем, с одной стороны, и каким бы то ни было сословным (Боярской думой, Освященным собором) или общеземским (Земским собором, органами местного самоуправления) учреждением либо их отдельными представителями, с другой» [Коцюбинский 2019, с. 113–114]. Все ключевые решения «<...> принимались в режиме априорного согласия земских соборов с правительственными предложениями» [Коцюбинский 2019, с. 114].

Что можно сказать по поводу столь разных воззрений? Справедливости ради заметим, что Д.Я. Травин не впадает в крайность и называет спорным утверждение о Земских соборах как *истинно* представительных органах [Травин 2023, с. 301]. В то же время он пишет: «Реальные соборы представляли собой скорее пространство, где шла острая политическая схватка и достигались компромиссы» [Травин 2023, с. 301]. Однако внимательное изучение текста не содержит как подтверждения этих слов, так и опровержения приведенных выше слов Д.А. Коцюбинского.

В этой дискуссии следует не пройти мимо главного. Надо не столько сравнивать порядок избрания или полномочия представительных институтов в Европе и Московии, сколько не забывать о том, что в них входили люди с радикально различающимся статусом. Даже самое слабое представительство в Европе не означало, что оно наполнялось людьми, которыми монарх мог распоряжаться как

личной собственностью без каких-либо ограничений. Поэтому если чисто гипотетически представить какой-либо представительный орган в Московии с четко закрепленными за ним полномочиями утверждать или отвергать царские решения, например, в налогово-финансовой сфере, то вряд ли бы выносимые решения противоречили воли самодержца. «Депутаты» всегда помнили бы о том, кто они (кому они принадлежат как рабы). Без личного суверенитета не может быть и намека на разделение властей, а державно-служилый класс в Московии таковым и близко не обладал.

Завершает главу небольшой, но весьма примечательный раздел. В нем, в сущности, речь идет об утверждении правовой культуры на Западе, о борьбе правового сознания с монархическими притязаниями на уникальную «божественную миссию» на Земле. По всей видимости, замысел автора состоял в том, чтобы показать, что последние не редкость и на Западе, и тем самым «приблизить» Европу к Московии. Получилось же наоборот. Читатель увидел (на примере Карла I) крах королевского высокомерия и прорыв к правовым принципам, пусть еще далеко не заверченный (решающую роль в нем сыграет Славная революция 1688 г.), но определивший вектор дальнейшего движения. И читатель, ознакомившись с историей Англии в изложении автора книги, невольно задаст себе вопрос: а возможно ли было такое в России в тот период? Очевидно, что ответ его будет «конечно же, нет»¹⁹.

И, наконец, последний аккорд «Русской ловушки» – глава о «несовременной модернизации». Речь в ней идет о том, как Россия заимствовала европейский абсолютизм и его «регулярное государство» с тотальной регламентацией. Если бы автор не отвлекался на столь обширное цитирование Пьера Корнеля и Жана Расина, а также од М.В. Ломоносова, то текст бы, очевидно, выиграл. Из оставшегося изложения следует, что Россия импортировала европейский культурный продукт, переработала и потребила его, и далее вслед за французами, англичанами, немцами и голландцами стала развиваться тем далеким от идеалов путем, по которому вела ее реальная жизнь [*Травин* 2023, с. 406]. Речь идет преимущественно о реформах Петра I и изменениях, постигших Россию в XVIII в. (главным образом, в первой его половине). При этом освобождение дворянства не рассматривается, а делается акцент на том, что часто называют низовой модернизацией – модернизации быта и культурной среды с упором на их тотальную регламентацию. Надо сказать, что проблема российской вестернизации начала XVIII в. заслуживала более глубокого разговора. Автор тщательно ищет сходство петровской России и Европы эпохи абсолютизма и меркантилизма, и нельзя сказать, что впустую. Однако при этом забывает о существенных различиях, а таковые имели место, даже если сравнивать Россию Петра I с Францией Людовика XIV²⁰. Об Англии, Нидерландах, Швеции и речи нет.

¹⁹ «Они [советники государя – прим. автора] открыто заявляют, что воля государя есть воля божия, и что ни сделает государь, он делает по воле божией. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим божиим; наконец, веруют, что он – свершитель божественной воли» [*Лимонов* 1986, с. 53]. Если бы такая степень обожествления главы государства была характерна и для Запада, то С. Герберштейн не делал бы на этом качестве московской власти такой акцент. Пишет он об этом с явным удивлением.

²⁰ Во Франции Людовик XIV был не вправе привлечь к суду суперинтенданта финансов Николая Фуке, пока тот занимал пост председателя Парижского парламента (близкого аналога Верховного суда); судить его мог только парламент [*Склярченко и др.* 2009]. Как подчеркивает историк А. Янов, «<...> даже в глубочайшие тиранические сумерки Франции, даже при Людовике XIV, судебная привилегия эта не была нарушена НИ РАЗУ» [*Янов* 2017, с. 150]. Это нечто немыслимое на Руси как в XVII в., так и позже, в период петровских реформ.

Пора сделать некоторые обобщающие выводы. Во-первых, обе книги Д.Я. Травина преследуют общую цель: показать, что Россия (Московия) не выпадала из европейской цивилизации, а была просто отсталой ее частью, попавшей в ловушку крепостного права и поместной системы в целом. Но достичь эту цель не удалось, хотя для этого было предпринято много усилий, и нельзя сказать, что совсем не плодотворных: собрано великое множество фактов, призванных убедить читателя в том, что «у них» было почти так же, как «у нас». Однако за этим коллессионированием фактов скрылись цивилизационные отличия России как этакратического общества²¹. Отбросив сущностную идентичность воспроизводимого в долгом историческом времени российского социума (видение его как несовместимой с правовым порядком институциональной альтернативы), невозможно не оказаться в ловушке теории модернизации, которая в свою очередь упорно толкает исследователя к поиску преимущественно мнимой общности социальных порядков Европы и России в прошлом как предпосылок их слияния в будущем либеральном мире.

Во-вторых, в начале рецензии указывалось на явное преобладание западно-европейского материала над российским, и даже Восточной Европе уделено совсем немного места. Сравнительный анализ имеет несомненную ценность, однако в книгах с такими заголовками вряд ли стоило так поступать: соотношение европейского и российского материалов должно было быть, скорее, обратным. Это не повредило бы сравнительному анализу, а, напротив, сделало бы его более акцентированным. И читатель узнал бы гораздо больше о российских порядках, чем о европейских. Иначе в процессе чтения приходится порой перелистывать страницы глав с тем, чтобы увидеть, а когда же автор начнет писать о России. При этом временами складывается впечатление, что он о ней вообще забыл.

В-третьих, обращение к литературным сюжетам, произведениям изобразительного искусства, к архитектуре, конечно, допустимо. Тем не менее явно излишнее увлечение ими приводит к тому, что местами невольно теряется нить рассуждений. По этой причине подача материала выглядит несколько хаотичной.

В-четвертых, книги значительно выиграли бы, если бы во введении или заключении были представлены авторские концепции в сжатом виде. Поскольку в основном тексте обильное описание фактов и событий (иногда не совсем относящихся к главной проблематике) затмевает теорию²². А последняя имеет первостепенное значение, так как автор позиционирует себя как представителя исторической социологии, а не исторической науки. В плане институционального анализа российской истории книги Д.Я. Травина уступают работам Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова [Нуреев, Латов 2016] и О.Э. Бессоновой [Бессонова 2015], в основу которых положена именно эволюция институтов во времени (власти-собственности в первой, раздатка и служебного труда – во второй).

В-пятых, в исследовании Д.Я. Травина не нашлось места крестьянской общине. И хотя хронологически в своем классическом виде она развилась за пределами рассматриваемого автором исторического периода, все-таки не стоило совсем упускать ее из вида. Анализ ее истоков важен, поскольку как составляющая

²¹ Таковые были представлены, например, в исследовании [Шкартан, Ястребов 2016].

²² В плане насыщенности самым разнообразным материалом книги Д.Я. Травина напоминают исследование Дейдры Макклоски. Однако в нем есть вводная часть «Апология. Коротко о буржуазных добродетелях», в которой читатель может в сжатом виде познакомиться с концепцией автора [Макклоски 2018, с. 1–68].

«русской ловушки» она сыграла даже большую роль, чем крепостное право: последнее было отменено в 1861 г., а община, как известно, оказалась более устойчива. При этом как институт именно она во многом сформировала массовое положительное восприятие будущего социалистического строя (и не только в деревне).

Высказанная критика абсолютно не означает, что книги недостойны изучения. Напротив, они очень наглядно показывают, как можно отстаивать свою точку зрения, прибегая к неожиданным аргументам в ее пользу и выходя за рамки предметной области. Рассмотренные работы бесспорно расширят кругозор читателя, принесут радость соучастия в интеллектуальном анализе исторических явлений и дадут почву для размышлений тем, кто хочет понять расхождение Европы и России.

Список источников

- Абросимова С. (2024) Дмитрий Травин: «Я пытаюсь вписать Россию в общий европейский контекст и посмотреть, как и что происходило» // Европейский университет в Санкт-Петербурге. 30 января 2024 // <https://eusp.org/news/dmitriy-travin-ya-pytayus-vpisat-rossiyu-v-obschiy-evropeyskiy-kontekst-i-posmotret-kak-i-chto-proiskhodilo?ysclid=lyg9bi14ho247997498>, дата обращения 23.03.2024.
- Аллен У. (2019) История Украины. Южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина. М.: Центрполиграф.
- Анисимов Е.В. (2009) История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. СПб.: Питер.
- Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. (2022) Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 24–47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. (2005) История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство.
- Бессонова О.Э. (2015) Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия.
- Веллер М.И.²³ (2023) Киев-Москва. Расхождение. М.: АСТ.
- Грин Д.Р. (2007) История Англии и английского народа. М.: Кучково поле; Гиперборея.
- Заостровцев А.П. (2023) Эффект колеи, культура и критические моменты в институциональной истории // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21
- Зентара Б. (2015) Старая Россия. Демократия и деспотизм. Великий Новгород.
- Кантор В.К. (2007) Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН.
- Коцюбинский Д.А. (2019) Цивилизация ресентимента. Институционально-исторический анализ русской политической культуры // Заостровцев А.П. (ред.) Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С. 109–151.
- Круглый стол «Рациональность и иррациональность в экономической теории» (2017) // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 141–166.
- Лимонов Ю.А. (ред.) (1986) Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат.
- Маккроски Д. (2018) Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции. М., СПб.: Издательство Института Гайдара.

²³ Министерством юстиции РФ М.И. Веллер признан иностранным агентом.

- Мизес Л. фон (2007) Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум.
- Нил Л., Уильямсон Дж. (ред.) (2021) Кембриджская история капитализма. Т. 1: Подъем капитализма от древних истоков до 1848 года. М.: Издательство Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016) Экономическая история России: опыт институционального анализа. М.: КНОРУС.
- Пайпс Р. (1993) Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.
- Пайпс Р. (2001) Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований.
- Пайпс Р. (2011) Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историко-графическое исследование // Неприкосновенный запас. № 5 // <https://magazines.gorky.media/nz/2011/5/vliyanie-mongolov-na-rus-za-i-protiv.html>, дата обращения 29.03.2024.
- Полтерович В.М. (2004) Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–16.
- Склярченко В.М., Мирошникова В.В., Панкова М.А., Батий Я.А. (2009) 100 знаменитых судебных процессов. М.: Фолио.
- Скрынников Р.Г. (1997) История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь мир.
- Травин Д.Я. (2011) Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2018) «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2021) Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2023) Русская ловушка. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2024) Модернизация versus революция или модернизация ergo революция? Препринт М-102/24. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я., Маргания О.Л. (2004) Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Федотов Г.П. (1991а) Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. СПб.: София. С. 276–303.
- Федотов Г.П. (1991б) Рождение свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. СПб.: София. С. 253–275.
- Халецки О. (2019) История Центральной Европы с древних времен до XX века. Кипящий котел народов и религий на территории между Германией и Россией. М.: Центрополиграф.
- Хоскинг Дж. (2000) Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (ред.) (2016) Нова ли новая Россия. М.: Университетская книга.
- Янов А.Л. (2007) Россия и Европа в 3-х книгах. Книга вторая. Загадка николаевской России. 1825–1855. М.: Новый Хронограф.
- Янов А.Л. (2017) Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. М.: Новый Хронограф.
- Djankov S., Nikolova E. (2018) Communism as the Unhappy Coming // Policy Research Working Paper. No WPS 8399, World Bank Group // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/303241522775925061/pdf/WPS8399.pdf>, дата обращения 29.03.2024.

About the “Russian Trap” and Backwardness: An Underdeveloped Europe or an Institutional Alternative?

Book reviews: Travin D. Ya. (2021) *Why Has Russia Fallen Behind?*

Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg; Travin D. Ya. (2023)

Russian Trap, Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.

A.P. ZAOSTROVTSEV*

***Andrey P. Zaostrvtsev** – PhD in Economics, Professor, Department of State Administration, HSE University (Saint Petersburg); Senior Research Fellow, “Leontiev Center”, Saint Petersburg, Russian Federation; zao-and@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0302-4182>

Citation: Zaostrvtsev A.P. (2025) About the “Russian Trap” and Backwardness: An Underdeveloped Europe or an Institutional Alternative? *Mir Rossii*, vol. 34, no 1, pp. 161–178 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-1-161-178

Abstract

This article reviews two books by Dmitry Travin, which address fundamental questions about the historical development of Russia. It highlights that both the problem of Russia’s backwardness and the concept of the Russian trap are not examined independently but through comparisons with European history. The author frames Russia as a deviation within European civilization, rather than as an alternative social system. The article critically analyzes this perspective and stresses the incompatibility of key Russian institutions with the rule of law, even in its most rudimentary forms.

The analysis suggests that without considering the institutional origins of Russia, specifically the omnipotent institutions of the Horde and their expansionist focus, any explanation of Russia’s historical backwardness is incomplete. The concept of the Russian trap, in the form of a manorial system, should emphasize not serfdom, but rather the absence of personal sovereignty among the elite, who were subject to despotism.

Despite the artificial “Europeanization” of Russia, both of Travin’s books are of undeniable value, as they provide a comprehensive overview of European society up until the mid-18th century. Against this backdrop, they also explore several aspects of Russian society during the corresponding periods.

Keywords: *Russia, path dependence, institutional trap, backwardness, raids, serfdom, manorial system, absolutism, non-modern modernization*

References

Abrosimova S. (2024) Dmitryi Travin: “I’m Trying to Fit Russia into the General European Context and See How and What Happened”. *European University at Saint Petersburg*, January 30, 2024. Available at: <https://eusp.org/news/dmitriy-travin-ya-pytayus-vpisat>

- rossiyu-v-obshchey-evropeyskiy-kontekst-i-posmotret-kak-i-chto-proiskhodilo, accessed 23.03.2024 (in Russian).
- Ahiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2005) *History of Russia: End or New Beginning?* Moscow: Novoe Izdatel'stvo (in Russian).
- Allen W. (2019) *The Ukraine. A History*, Moscow: Tsentrpoligraph (in Russian).
- Anisimov E.V. (2009) *History of Russia from Rurik to Putin. People. Events. Dates*, Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Auzan A.A., Lepetikov A.D., Sitkevich D.A. (2022) Track and Pendulum: Impact of the Path Dependence Problem on the Dynamics of Institutional Change. *Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki*, no 1, pp. 24–47 (in Russian). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47
- Bessonova O.E. (2015) *The Market and Handouts in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration*, Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (in Russian).
- Djankov S., Nikolova E. (2018) Communism as the Unhappy Coming. *Policy Research Working Paper No. WPS 8399*, Washington, D.C.: World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/303241522775925061/>, accessed 29.03.2024 (in Russian).
- Fedotov G.P. (1991a) Russia and Freedom. *Fedotov G.P. The Fate and Sins of Russia*. In 2 volumes. Vol. 2, Saint Petersburg: Sophiya, pp. 276–303 (in Russian).
- Fedotov G.P. (1991b) The Birth of Freedom. *Fedotov G.P. The Fate and Sins of Russia*. In 2 volumes. Vol. 2, Saint Petersburg: Sophiya, pp. 253–275 (in Russian).
- Green J.R. (2007) *A History of the English People*, Moscow: Kuchkovo Pole, Giperboreya (in Russian).
- Halecki O. (2019) *Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*, Moscow: Tsentrpoligraph (in Russian).
- Hosking G. (2000) *Russia: People and Empire (1552–1917)*, Smolensk: Rusich (in Russian).
- Kantor V.K. (2007) *Between Arbitrariness and Freedom. On the Issue of Russian Mentality*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Kotsyubinskii D.A. (2019) A Civilization of Resentment. Institutional-historical Analysis of Political Culture. *Institutional Economic Theory: History, Problems and Prospects* (ed. Zaostrovsev A.P.), Saint Petersburg: Leontiev Center, pp. 109–151 (in Russian).
- Limonov Yu.A., (ed.) (1986) *Russia in XV–XVII Centuries in the Eyes of the Foreigners*, Leningrad: Lenizdat (in Russian).
- McCloskey D.N. (2018) *The Bourgeois Virtues. Ethics for an Age of Commerce*, Moscow, Saint Petersburg: Gaidar Institute (in Russian).
- Mises L. von (2007) *Theory and History: An Interpretation of Social and Economic Evolution*, Chelyabinsk: Sotsium (in Russian).
- Neal L., Williamson J.G. (eds.) (2021) *The Cambridge History of Capitalism. V. 1. The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848*, Moscow: Gaidar Institute (in Russian).
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016) *Economic History of Russia: Experience of Institutional Analysis*, Moscow: KNORUS (in Russian).
- Pipes R. (1993) *Russia under the Old Regime*, Moscow: Nezavisimaya gazeta (in Russian).
- Pipes R. (2001) *Property and Freedom*, Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy (in Russian).
- Pipes R. (2011) The Influence of the Mongols on Rus': Pros and Cons. Historiographical Research. *Neprikosnovennyi zapas*, no 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/5/vliyanie-mongolov-na-rus-za-i-protiv>, accessed 29.03.2024 (in Russian).
- Polterovich V.M. (2004) Institutional Traps: Is There Exit? *Social Sciences and Contemporary World*, no 2, pp. 5–16 (in Russian).
- Round Table (2017) Rationality and Irrationality in the Economic Theory. *Journal of New Economic Association*, no 1, pp. 141–166 (in Russian).
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (eds.) (2016) *Is the New Russia New?* Moscow: University book.
- Sklyarenko V.M., Miroshnikova V.V., Pankova M.A., Batiy Ya.A. (2009) *100 Famous Trials*, Moscow: Folio (in Russian).
- Skrynnikov R.G. (1997) *Russian History. IX–XVII Centuries*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).

- Travin D.Ya. (2011) *Steep Mountains of the 21st Century: Postmodernization and Russian Problems*, Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Travin D.Ya. (2018) *Russia's "Special Path": From Dostoevsky to Konchalovsky*, Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Travin D.Ya. (2021) *Why Has Russia Fallen Behind?* Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Travin D.Ya. (2023) *Russian Trap*, Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Travin D.Ya. (2024) *Modernization versus Revolution or Modernization Ergo Revolution?* Preprint M-102/24. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Travin D.Ya., Marganiya O.L. (2004) *European Modernization*. In 2 books. Book 1, Moscow: AST, Saint Petersburg: Terra Fantastica (in Russian).
- Veller M. (2023) *Kiev-Moscow: Divergence*, Moscow: AST (in Russian).
- Yanov A.L. (2007) *Russia and Europe in 3 Books. Book Two. The Mystery of Nikolaev Russia. 1825–1855*, Moscow: New Chronograph (in Russian).
- Yanov A.L. (2017) *The Dispute about the "Eternal" Autocracy: From Grozny to Putin*, Moscow: New Chronograph (in Russian).
- Zaostrovtssev A.P. (2023) Path Dependence, Culture and Critical Junctures in the Institutional History. *Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki*, no 3, pp. 7–21 (in Russian). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21
- Zentara B. (2015) *Old Russia. Democracy and Despotism*, Velikij Novgorod (in Russian).